

ШОРИКОВ
Дмитрий Владимирович

магистратура, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия),
schorikoff.dima@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ И ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Научный руководитель:

Ратьковский Илья Сергеевич

Рецензент:

Савицкий Иван
Владимирович

Статья поступила: 10.06.2026;

Принята к публикации: 27.06.2026;

Размещена в сети: 27.06.2026.

Аннотация. На основе анализа советской и эмигрантской периодики второй пол. 1920-х – начала 1930-х гг., с верификацией через материалы (ЦГА СПб и ЦГАИПД СПб) реконструирована эволюция образа милиции: от развернутой критики служебных злоупотреблений (пьянство, взяточничество, кадровый дефицит) к идеологизированной схеме, где проблемы объяснялись «чуждым элементом». К началу 1930-х гг. критические материалы практически исчезли, уступив место классово-выдержанной риторике. Выявлено, что эмигрантская пресса, в отличие от советской, сохранила критические сюжеты и выступила важным верифицирующим источником.

Ключевые слова: Советская милиция, периодическая печать 1920–1930-е гг., репрезентация правоохранительных органов, контент-анализ газетных публикаций, служебные девиации, повседневность правоохранительных органов

Для цитирования: Шориков Д. В. Деятельность милиции во второй половине 1920 – начале 1930-х годов по материалам советской и эмигрантской периодической печати // StudArctic Forum. 2026. Т. 11, № 2. С. 66–77.

Периодическая печать играла важную роль в освещении деятельности советских органов правопорядка, и это было характерно уже для первых лет советской власти [Ратьковский]. Поэтому авторы, изучающие деятельность милиции на всех этапах её существования, не обходили вниманием периодическую печать. Первые же исследования по истории милиции публиковались на страницах ведомственной периодики [Киселев]. Она использовалась в самых ранних работах, посвященных данному периоду [Зайцев]. Послевоенная историография милиции, несмотря на отличие от предшествующего этапа, продолжала базироваться преимущественно на периодической печати в силу её сравнительной доступности при сохранявшейся закрытости архивных материалов [Еропкин]; [Скилягин]; [Фесенко].

На последующих этапах развития отечественной историографии периодическая печать использовалась уже в качестве вспомогательного источника, дополняющего картину повседневной работы милиции и других правоохранительных структур. Газеты служили одновременно источником открытых статистических данных и пространством для

представления героических эпизодов борьбы советской милиции с классовыми врагами [Иванов]. Несмотря на свою востребованность, отражение деятельности милиции второй половины 1920 – начала 1930-годов на страницах периодики не становилось предметом самостоятельного изучения. Другим историческим периодам повезло больше: например, опубликованы региональные исследования применительно к 1960 – началу 2000-х годов, охватывающие лишь отечественную периодику [Козлобаев, 2022]; [Козлобаев, 2024].

Целью исследования является выявление и анализ особенностей репрезентации советской милиции в материалах советской и эмигрантской периодической печати во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов. Для ее раскрытия поставлены следующие задачи: выделить основные тематические блоки в центральных и региональных изданиях; проанализировать динамику содержания и тональности публикаций; охарактеризовать ключевые проблемы милиции, освещавшиеся в прессе; обозначить роль эмигрантской прессы; проследить эволюцию риторики в сторону нарастания идеологизации и использования понятия «чуждый элемент» как универсального объяснительного механизма проблем милиции к началу 1930-х годов.

Методология статьи включает: историко-генетического метод, выраженный в прослеживании эволюции образа милиции в периодической печати; сравнительный анализ, задействованный в сравнении различных изданий; контент-анализ материалов прессы, верификация официального дискурса с привлечением как сторонних изданий, так и архивных документов; системный подход, структура милиции изучается не как замкнутый в себе орган правопорядка, а как часть социально-экономической системы.

В данной работе представлена подборка периодических изданий как общегосударственного («Известия», «Правда» и т. д.), так и регионального характера («Вестник Ленинградского облисполкома и Ленинградского совета», «Вечерняя Москва» и т. д.). Также используются такие специализированные издания, как «Административный вестник». Особого внимания заслуживает привлечение эмигрантской прессы. В ней не только выборочно перепечатывались материалы центральных советских газет, но и давались репортажи, основанные на сведениях собственных корреспондентов в СССР. Эти материалы предлагают свой, отличный от официального взгляд на советскую правоохранительную систему. Разумеется, их оценка была предельно критичной. В то же время и официальная печать с каждым годом становилась все более идеологизированной – это сказывалось и на освещении работы милиции, и на подаче информации о других органах.

* * * * *

Во второй половине 1920-х годов газеты содержали множество материалов, посвященных проблемам в работе милиции. Периодическая печать освещала проверки и последующие судебные процессы в Киевской и Херсонской милиции. Характерно, что сообщения о неудовлетворительном состоянии киевской милиции появлялись ещё до того, как эти события стали предметом крупного судебного разбирательства. Например, в одной из публикаций отмечалось: «... приняты меры к материальному обеспечению работников милиции и постановке работы на должную высоту. ... увеличили зарплату... Пересмотрен весь штат милиции. Улучшена культурно-просветительная работа... Сейчас организована специальная ревизионная комиссия, которая проверяет работу всего административного отдела»¹.

Чуть позднее появляются и первые цифры по партийной чистке в милиции: 45 исключённых из 250 проверенных². Характерно, что на фоне повсеместных проверок и последующих судов в печати стали появляться материалы о повышении зарплаты: «В отношении милиции предпрешён вопрос о повышении заработной платы милиционерам, начиная с 1 октября, т. е. начала нового бюджетного года»³. Данная заметка, представленная

прямо на первой странице, вероятно, была попыткой компенсировать критику и укрепить кадровый состав.

В этом отношении нарратив постепенно обогащается понятиями, которые позднее станут центральнообразующими в описании многих проблемных событий. Часто упоминаются бывшие участники Белого движения: «... в числе работников милиции были обнаружены бывшие белые контрразведчики и даже бывший вице-губернатор. Но даже личность самого начальника киевской милиции Коваленко наводит на сомнения... Коваленко застрелился»⁴.

Выявленные «антисоветские элементы», однако, не препятствовали советской прессе прямо называть виновных: помимо Коваленко, таковым был признан его первый заместитель Фрадъко, имевший, казалось бы, безупречную биографию: «Он прибыл в Киев в 1921 г. из Красной армии, где занимал ответственные командные посты. Член партии с 1915 г., рабочий. Под его покровительством взяточничеством была заражена вся киевская милиция сверху донизу»⁵. Весной 1926 года пресса не обошла вниманием и сам судебный процесс. Суд постановил слушать дело в Большом зале бывшего Киевского университета. Состав выездной сессии Верховного суда: председатель – Романов, члены Верховного суда – Тетин и Кумбикевич и добавочный член Верховного суда – Усачев⁶. В этом судебном производстве угадывались черты, роднящие его как с процессом над правыми эсерами 1922 года, так и с грядущими кампаниями. Цельность картины дополняет менее официальная «Вечерняя Москва»: «Следствие раскрыло картину невероятного безобразия, взяточничества, шантажа, служебных злоупотреблений. На скамью подсудимых село 111 чел.»⁷

Наряду с детальным освещением преступлений в Киевской милиции в тот же период в прессе публикуется серия заметок о положении дел в милиции Херсона. На страницах советских изданий эти дела обретают взаимосвязь. Уже весной в печати появляются развёрнутые фрагменты допросов, а сами открытые процессы становятся прообразом тех судебных кампаний, которые вскоре будут развёрнуты в политических целях. В частности, характеризуя ситуацию в милиции Херсона, один из обвиняемых (Шведченко) рисовал картину массовых финансовых злоупотреблений: «казначей Юндельсон получил в ноябре триста рублей с Петровского завода и положил деньги себе в карман... Юндельсон также присвоил полученные с завода Вилика 250 рублей... Милиция была плохо обмундирована, закупленная обувь была гнилой»⁸. Подробное освещение в прессе было призвано продемонстрировать, насколько серьёзное внимание государство уделяет системным проблемам в милиции – от прямого пособничества преступникам и взяточничества до попустительства повседневным уголовным правонарушениям⁹.

Всё это свидетельствовало о глубоком служебном несоответствии задач милиции и её кадрового наполнения. Ни особые условия отбора, ни попытка предоставить льготы не смогли предотвратить сложившуюся ситуацию. Примечательно, что и последующие реформы, инициированные, по-видимому, в том числе и под влиянием этих событий, не привели к кардинальным переменам. Ни одна из предпринятых мер – ни кампания по «орабочению» кадров¹⁰, ни мобилизация общественности¹¹, ни перманентная смена ведомственного подчинения – не смогла кардинально исправить положение. Причина проблем заключалась в системном недофинансировании, вызванном общей социально-экономической нестабильностью, особенно обострившейся в переходный период.

Важно подчеркнуть: даже когда разоблачения в советской прессе иссякли, породившие их явления никуда не исчезли. О том, что мздоимство сохранялось в повседневной жизни, свидетельствуют, в частности, такие высказывания современников: «...

У них в Ленинграде квартира... там они живут, и каждый платит дворнику по три рубля, платят милиции...»¹². В эмигрантской периодике можно обнаружить и другие эпизоды милицейского взяточничества: «... рабоче-крестьянская милиция обирала в плановом порядке...»¹³. В архивных материалах зафиксированы эпизоды, когда милиционеры присваивали чужие средства: «случаи отдачи под суд милиционеров Лапина и Петухова, таковые обобрали пьяного задержанного, 51 коп. украдены. Милиционер Жевнов присвоил 105 р и 5 р облигациями, каковые он не доставил в отделе как найденные. Федорова отправили в суд за хулиганство, а Черняев совместно с дворником подозревается в ограблении гопника в Никольском саду»¹⁴.

Помимо разоблачительных материалов о милиции, на страницах газет освещался широкий круг иных, связанных с ее деятельностью тем: от громких уголовных дел (убийство комсомольца Булыгина¹⁵) до социальных проблем (азартные игры¹⁶, бытовые трудности¹⁷). Характерно, что данные сообщения сопровождалось мобилизационными призывами к населению о необходимости содействия милиции¹⁸.

Тематику газетных публикаций второй половины 1920-х годов можно условно разделить на три основных блока: информация о раскрытых преступлениях, критические материалы о недостатках в работе милиции и агитация за оказание ей помощи населением. Характерно, что прежние крупные обзоры резонансных процессов над милиционерами к этому времени на страницах печати не фиксируются.

Проиллюстрируем каждую из выделенных категорий конкретными примерами, начав с наиболее значимой – сообщений о раскрытии преступлений. Структура таких заметок была проста: кратко описывалось происшествие и сообщалось об итоге работы милиции – задержании и последующем раскрытии: «... на прохожего Самойлова напало двое неизвестных. Один из них был вооружен револьвером. Самойлов поднял крик. Подоспели прохожие и милиция, с помощью которых грабители Борисов и Белевич-Отанкевич были арестованы, а револьвер с 5 боевыми патронами – отобран»¹⁹. В тех случаях, когда немедленного результата не было, а происшествие вызвало общественный резонанс, газеты ограничивались сообщением о том, что ведется следствие: «... на заднем дворе, под окнами кв. 39, гр. Пушкаревой был найден труп ребёнка месяцев 7. Труп был тут же отправлен в 16-е отделение милиции. Ведётся следствие»²⁰. Проблема детоубийства имела весьма широкое распространение, отдельную судебную практику, по которой большая часть приговоров заканчивалась оправданием женщин [Патраш]. Так, 5 мая 1935 года в Ленинграде «санитарка Института общественного питания Петроградского района Анна Алексеевна Ларионова снесла своего новорождённого ребенка на кладбище, перерезав ребенку горло бритвой, таким же образом пробовала покончить с собой. Однако её заметили, помешали ей. Ребёнок скончался, а Ларионова с тяжёлым ранением горла была помещена в больницу»²¹. Документы указывают сухую лаконичную причину данного преступления: «... причиной... послужило выселение Ларионовой и её мужа из квартиры»²².

Раскрытие преступлений сочеталось с профилактической работой, которая могла быть эффективной в отношении нетяжких преступлений. Основной формой работы стали рейды и различные проверки, призванные пресечь торговые махинации и прочие преступления. Милиция проводила обходы рынков и мест торговли «в целях обеспечения защиты употребления правильных мер и весов. Все метрические измерители – весы, гири, меры длины, объёма ... должны быть снабжены клеймами, законными в 1928 г. считаются клейма обр 1927 и 1928 г. Все приборы измерения с более ранними клеймами необходимо снова проверить. Организацию надзора поручить милиции». Процесс проверок носил

регулярный характер²³. Если против торговых махинаций рейды могли быть эффективны, то против уличных грабежей и нападений они оказывались в основном бессильны в силу некомплектности штатов, малого финансирования и обеспечения. Предотвратить же убийства или самоубийства простыми проверками было и вовсе невозможно.

Характеризуя сообщения о раскрытии преступлений, можно отметить, что в газетах чаще всего публиковались материалы по следам бытовых убийств – именно они легко попадали в разряд быстро раскрываемых. Появлялись конфликты со смертельным исходом, возникавшие из-за простой бутылки водки²⁴. Такие случаи были далеко не единичными. Бытовые эпизоды в 1936 году занимали 74,2 % от общего числа зарегистрированных [Скилягин: 217]. В последующие годы появилось множество подобных сообщений. К 1928–1929 годам их тон стал более жёстким, а форма – лаконичной и выверенной: «областной суд вынес приговор по делу об убийстве селькора Укконена. Савойланен и Саукас приговорены к расстрелу с конфискацией части имущества. Агонен приговорен к пяти годам, Пулонен к четырём, Кириянин и Николаев – к трём годам заключения (все со строгой изоляцией)»²⁵. Сообщения часто приобретали всё более выраженную политическую окраску. Например, публикации об убийстве сельского корреспондента-общественника в Богородском уезде, а также об убийстве рабкора в Карачае, разоблачавшего местный непрофессионализм и партийную невыдержанность²⁶.

Интенсивность публикаций о милиции в конце 1920-х – начале 1930-х годов не снижалась. На страницах изданий указанного периода находили отражение и новые практики: создание бюро жалоб, куда граждане могли обращаться устно или письменно с заявлениями о неправомерных действиях милиции, а также открытие санитарных постов в местах торговли²⁷. Если ранее газеты регулярно сообщали о раскрытии бытовых преступлений, то теперь такие заметки становятся редкостью, несмотря на их преобладание даже в официальной статистике. Всё чаще публиковались подобные материалы: «Кулак в районе обнаглел до того, что отважился на открытую расправу (убийство борца за коллективизацию, агронома-общественника тов. Фролова)»²⁸.

Анализ динамики публикаций о социальных проблемах милиции выявляет следующую тенденцию: с ускорением социально-экономических преобразований прежние трудности не исчезали, а усугублялись и обрастали новыми. К хроническим финансово-материальным проблемам добавились последствия стремительной урбанизации – резкий рост городского населения и его маргинализация. Острый кадровый дефицит вынуждал к массивному набору сотрудников, что неизбежно сказывалось на низкой пригодности новобранцев к службе²⁹. К тому же одной из ключевых проблем, усугублявшей ситуацию, стало повальное пьянство среди сотрудников, служившее причиной многочисленных нарушений.

Обратим внимание и на сложный социальный состав рядового состава милиции. В одном из отделов в Ленинграде служили: рабочих – 28, служащих – 14, крестьян — 18 человек³⁰. В отделе Ораниенбаумского РУМа была похожая ситуация. По происхождению сотрудники были: 14 рабочих, 17 крестьян, 4 служащих. Образование имели следующее: среднее – 1, ниже среднего – 1, низшее – 33 человека³¹. Таким образом, урбанизация, шедшая во многом за счёт притока сельского населения, напрямую влияла на кадровый состав милиции. Выходцы из деревни привносили с собой характерные социальные черты поведения, что порождало новые конфликты. К тому же их образовательный уровень, как правило, был ниже, чем у горожан.

О тяжёлом положении милиции писала и центральная пресса. В 1926 году в газете

«Правда» появилась статья, прямо назвавшая работников милиции «самым забытым отрядом трудящихся в СССР». Автор подчеркивал, что сопоставление их условий работы и материальной обеспеченности с другими категориями трудящихся «в подавляющем большинстве случаев будет не в пользу работников милиции»³². Своеобразным ответом на заметку «Самые забытые» можно считать материалы, посвященные улучшению положения милиции в разных её аспектах: «Улучшение положения работников милиции. Совнарком РСФСР образовал специальную комиссию под председательством тов. Лежавы, которой поручено рассмотреть вопрос о положении работников милиции»³³. Однако, как бы ни писали о непрерывных улучшениях на страницах периодики, на деле даже московские милиционеры мёрзли у себя в участке³⁴.

О проблеме пьянства часто писали в общем контексте с задержанными. В «Вечерней Москве» за тот же год отмечалось: «Борьба с пьянством и хулиганством. За истекшие сутки милицией задержано за пьянство 217 чел., за хулиганство 44 чел.»³⁵ Выявить же заметки или материалы о пьянстве в самой милиции более затруднительно. Про это явление писали весьма лаконично: «следствие установило также картину полного разложения среди работников криворожской милиции и розыска. Установлено, что в адм.отделе и милиции имели место пьянство, хищение казённых вещей, разврат, связь с частниками, протекционизм и проч.»³⁶

Показательна зарисовка из города Пучежа, где «вся жизнь строилась на пьянстве... Пили в одиночку, пили группами, пили компаниями, пили собраниями, пили фракциями. Отремонтирована горкомхозом моторная лодка – надо её "спрыснуть" – групповое пьянство»³⁷. Эти случаи иллюстрируют, как пьянство становилось неотъемлемой частью повседневности, сводя на нет любые профилактические усилия.

С 1929 года в публикациях все чаще начинает встречаться удобный идеологический маркер – слово «чуждый», прочно вошедшее в лексикон обвинений: «В Сочинском Адм.отделе обнаружены сращение ряда сотрудников с чуждым элементом, поголовное пьянство верхушки милиции»³⁸. Происходит смещение фокуса с внутренних недостатков системы на враждебное влияние, выраженное в абстракции «чуждый элемент», под которую люди могли подвести любую нужную категорию из заданного набора.

В дальнейшем число подобных материалов только росло, параллельно уменьшалось общее количество материалов критического характера. В них сообщалось, например, о «полном разложении аппарата судебных исполнителей», их связях с «чуждым элементом», пьянстве и хулиганстве: «Дикая распущенность царила в сталинградской милиции и уголовно-розыскном отделе, где работники понуждали женщин к половой связи»³⁹. В публикациях начала 1930-х годов закрепляется устойчивая схема: любое преступление или нарушение в милицейской среде обязательно увязывается с влиянием «чуждого элемента». Милиция выводится из-под удара, уступая место образу жертвы внешних происков.

Обстановка на местах по-прежнему оставалась сложной. Об этом свидетельствуют, в частности, выписки из характеристик ленинградских милиционеров начала 1930-х годов, где зафиксировано следующее: «тов. Жуков, будучи в нетрезвом виде, ругался матом, скандалил, работнику 17-го лгм тов. Жукову выдан строгий выговор. Тов. Маркобрунов, будучи помощником начальника 17-го лгм, устраивал выпивку, играл в карты, избивал жену, ему сделали внушение. Рапорт о том, что милиционер 17-го лгм был замечен на посту в нетрезвом виде и в штатском. За самовольное оставление службы уволен ряд сотрудников отделения»⁴⁰.

Нельзя обойти вниманием и сюжет, вызвавший живейший отклик у населения, – речь

о привлечении граждан к помощи милиции. Примечательно, что первые факты такого участия фиксируются задолго до появления ОСОДМИЛа, чья дата появления (1928 год) считается в историографии отправной точкой⁴¹. В официальной трактовке эти общества виделись как инструмент двойного назначения – оказание помощи правоохранительным органам соседствовало с общественным контролем над их работой: «... предупреждать и помогать раскрытию болезненных явлений в работе...»⁴². В подобных ситуациях общества содействия оказывались незаменимы: помощь милиции в организации массовых мероприятий⁴³, проведение административного надзора за общественными заведениями⁴⁴. Разумеется, было бы ошибкой сводить деятельность членов обществ лишь к контрольно-административным и охранным функциям. Их роль могла быть гораздо более активной. Примером служило участие в следственных действиях по громким делам: «...расследование убийства 13-летнего пионера Павла Морозова и его 9-летнего брата, в котором активное участие принял представитель ячейки...» [Скипский: 46].

Критика и дискуссии об организации и структуре ОСОДМИЛ встречаются в официальной печати на рубеже его реструктуризации⁴⁵. Как и многие массовые кампании того времени, деятельность обществ содействия столкнулась с проблемой «выгорания» и формализации. Ячейки становились бездействующими, члены обществ не посещали занятия, не являлись на дежурства, вместо этого посещали увеселительные мероприятия, пользуясь служебным положением, и совершали преступления [Токарев: 138].

Получается, что добровольные помощники, призванные исправить недостатки милиции, вместо этого воспроизводили в своей среде те же проблемы: низкую дисциплину, правовой нигилизм и склонность к злоупотреблениям. Несмотря на то, что после реформы пресса принялась создавать позитивный образ БРИГАДМИЛа⁴⁶, на практике добровольные помощники унаследовали и воспроизводили многие хронические проблемы своих предшественников.

В заключение стоит рассмотреть сходящиеся материалы в эмигрантской периодике. С одной стороны, она в значительных объёмах воспроизводила советскую прессу, сопровождая публикации собственными комментариями. С другой стороны, эмигрантские издания имели и собственные оригинальные материалы. В этой печати можно встретить как эпизоды, изобличающие милицейское взяточничество («... "рабоче-крестьянская" милиция обирала в плановом порядке...»⁴⁷), так и описания действий милиции по пресечению преступлений⁴⁸, а также описание самих преступлений. Среди последних выделяется один экстравагантный эпизод: «В Петербурге [*в эмигрантской печати – Петербурге, по факту Ленинград*], в д. № 5 по улице Энгельса обнаружено 12 "бесхозных гробов". Домоуправление пыталось присвоить себе гробы и продать их. Милиция, однако, этому воспротивилась. Бесхозные гробы переданы похоронному отделу откомхоза»⁴⁹.

Особо отметим в эмигрантской печати такой жанр, как публикации читательских писем. Одно из таких писем – «Письмо из Ленинграда», пришедшее в редакцию газеты, – поднимало и описывало насущные вопросы милицейской службы, а также «Что я видел в СССР?». Позднее на страницах того же издания появился рассказ от первого лица – «Рассказ милиционера. Письмо с Польско-советской границы», где рядовой сотрудник излагал наиболее проблемные вопросы службы⁵⁰. При всей апологетике, данные публикации освещали ряд актуальных проблем⁵¹.

Отдельные публикации носили явно тенденциозный характер и преследовали цель очернить советскую действительность, например сообщение о том, что: «... во время проезда турецкой делегации... ГПУ и милиция силой отгоняли вокзальное население версты

за две...»⁵². В эмигрантских обзорах негатив был практически обязателен, а упоминание иностранцев служило дополнительным аргументом. К числу подобных маловероятных эпизодов относится и стрельба комиссара юстиции в Алма-Ате по птицам; по утверждению газеты, милиция, как и окружающие, просто боялись подойти к нему⁵³.

Особый интерес вызывают сюжеты о беспорядках. Например, «В Казани произошли студенческие беспорядки... отряды ГПУ и милиция разогнали сходку, 14 студентов арестовано»⁵⁴. Или заметка с кричащим заголовком «Нападают на иностранцев-спецов»: «Сообщают, что в Новороссийске разразились крупные беспорядки. Толпа напала на клуб, устроенный для иностранцев... после разгрома... толпа двинулась на пристань... проникнуть на пароход [*иностранный*] ввиду вмешательства большого отряда милиции и частей ГПУ, толпе не удалось»⁵⁵. Сквозь эти строки звучит предупреждение: иностранным специалистам в Советской России делать нечего.

Важно отметить, что представленные материалы не формируют полностью альтернативную картину, поскольку число публикаций о милиции в эмигрантской прессе недостаточно велико. Тем не менее эти публикации ценны тем, что дополняют официальный образ и позволяют взглянуть на советскую милицию под необычным углом. Для авторов-эмигрантов в ней было отчетливо заметно наследие имперской полиции, а границы между милицейскими и иными силовыми структурами часто оказывались размыты.

* * * * *

В проанализированной прессе можно выделить следующие блоки: сообщения о раскрытых преступлениях (бытовые убийства, грабежи, детоубийства); критические материалы о недостатках работы милиции (пьянство, взяточничество, служебные злоупотребления, кадровый голод, низкое материально-бытовое обеспечение); агитационные публикации, призывающие население к содействию милиции (деятельность ОСОДМИЛ, бригадмила, участие граждан в рейдах).

На протяжении второй половины 1920-х – начала 1930-х годов прослеживается переход от развернутых репортажей (как пример – с открытых судебных процессов в Киеве, Херсоне) и критики милиции. К концу 1920-х годов тон публикаций становится более сдержанным, а объём негативной информации сокращается; краткие информационные заметки в целом остаются. На страницах периодики фиксировались: пьянство среди сотрудников, взяточничество и т. п., хроническое недофинансирование и плохое обмундирование, кадровый некомплект и низкий образовательный уровень личного состава, а также бытовая преступность.

Эволюция, происходящая с прессой, укладывается в общий политический посыл конца 1920-х – начала 1930-х годов. К началу 1930-х годов происходит сужение риторики: критические материалы о системных недостатках милиции заменяются сообщениями, трактующими нарушения через классовую парадигму. Понятие «чуждый элемент» (классовые враги) становится универсальным объяснительным механизмом проблем милиции. Сама милиция предстаёт как жертва внешних происков, что снимает ответственность с системы и переводит вопросы в плоскость классовой борьбы.

Эмигрантская пресса второй половины 1920-х – начала 1930-х годов выполняла три основные функции. Во-первых, она републиковала материалы советских центральных и региональных газет, сопровождая их собственными критическими комментариями. Во-вторых, публиковала оригинальные репортажи собственных корреспондентов, работавших в СССР, что позволяло предлагать отличный от официального взгляд на деятельность милиции. В-третьих, использовала жанр читательских писем и рассказов от первого лица («Письмо из Ленинграда», «Рассказ милиционера»), которые фиксировали

повседневные проблемы правоохранительных органов, нередко игнорировавшиеся или сглаживавшиеся советской печатью.

Хотя эмигрантские издания были предельно критичны и нередко политизированы (смещение функций милиции и ГПУ, акцентирование негативных сторон), они сохранили темы и сюжеты, которые к началу 1930-х гг. почти исчезли из советской прессы: например, системное взяточничество, пьянство среди сотрудников, кадровый голод и низкое материально-бытовое обеспечение. Эти материалы служат важным дополняющим источником для верификации официального дискурса, хотя и не создают самостоятельной альтернативной картины в силу фрагментарности и идеологической ангажированности. Таким образом, эмигрантская периодика выступает значимым историческим источником, позволяющим реконструировать те стороны милицейской повседневности, которые советская пропаганда постепенно выводила за рамки публичного обсуждения.

Примечания

- ¹ Оздоровление Киевской милиции // Правда. 1925. № 179(3110). С. 4.
- ² Чистка Киевской милиции // Правда. 1925. № 227(3158). С. 4.
- ³ Московская правда. 1925. № 138. С. 1.
- ⁴ *Сосновский Т.* Очки и чулки // Правда. 1925. № 199(3130). С. 1.
- ⁵ *Самарин М.* Дело Киевской милиции // Правда. 1926. № 85(3314). С. 4.
- ⁶ Правда. 1926. № 86(3315). С. 4.
- ⁷ Герои Киевского процесса // Вечерняя Москва. 1926. № 88, 17 апреля. С. 1.
- ⁸ Дело Херсонского административного отдела // Известия. 1925. № 135. С. 4.
- ⁹ Правда. 1926. № 103(3332). С. 4.
- ¹⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1000. Оп. 52. Д. 105-1. Л. 50, 55.
- ¹¹ Постановление СНК РСФСР от 25 мая 1930 года «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» // Сборник обязательных постановлений Тверского горсовета и Тверского райисполкома РККД. Тверь, 1931. С. 13–15.
- ¹² *Шапорина Л.В.* Дневник. Т. 1. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. С. 182.
- ¹³ Злоупотребления Киевской милиции // Русский вестник и рассвет. 1926, 19 мая. С. 3.
- ¹⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 35. Л. 12 об.
- ¹⁵ Вечерняя Москва. 1925. № 202. С. 4.
- ¹⁶ Московская правда. 1925. № 120 С. 4.
- ¹⁷ Московская правда. 1926. № 57. С. 4.
- ¹⁸ Там же. № 236. С. 2.
- ¹⁹ Что случилось за день // Вечерняя Москва. 1926, 7 октября. № 231. С. 3.
- ²⁰ Труп ребенка // Московская правда. 1926. № 33. С. 4.
- ²¹ ЦГА СПб. Ф. Р-6276. Оп. 277. Д. 143. Л. 1.
- ²² ЦГА СПб Ф. Р-1036. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ²³ Вестник Ленинградского облисполкома и Ленинградского совета. 1928, 8 февраля. № 11(702). С. 1.
- ²⁴ Вечерняя Москва. 1927, 21 января. № 17. С. 3.
- ²⁵ За убийство селькора — к высшей мере наказания // Московская правда. 1928. № 100. С. 2.
- ²⁶ Вечерняя Москва. 1928, 17 октября. № 242. С. 3; Там же. 1928, 9 августа. № 183. С. 2.
- ²⁷ Вестник Ленинградского облисполкома и Ленинградского совета. 1932, 2 июля. № 60(1204). С. 2; Там же. 1931, 5 декабря. № 125(1136). С. 2.
- ²⁸ «Ура» вместо показа колхозного опыта // Московская правда. 1931. № 110. С. 2.
- ²⁹ Правда. 1926. № 189(3418). С. 3.

- ³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-252. Оп. 5. Д. 14. Л. 3.
- ³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 1256. Л. 5.
- ³² *Кацва И.* Больше внимания нуждам милиции // Правда. 1926. № 189(3418). С. 3.
- ³³ Правда. 1926. № 200(3429). С. 4.
- ³⁴ Московская правда. 1926. № 59. С. 4.
- ³⁵ Вечерняя Москва. 1926, 28 сентября. № 223. С. 3.
- ³⁶ Злоупотребления в административном управлении Криворожского окрисполкома // Известия. 1928. № 97. С. 7.
- ³⁷ *Илюшин М.* Пьяный город Пучеж // Правда. 1928. № 138(3970). С. 4.
- ³⁸ Безобразие в Сочинском адмот. отделе // Вечерняя Москва. 1929, 10 сентября. № 208. С. 1.
- ³⁹ Оздоровить судебный и административный аппарат Сталинграда // Правда. 1930. № 62(4507). С. 5.
- ⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-252. Оп. 5. Д. 33. Л. 4, 5, 11, 14–15.
- ⁴¹ Административный вестник. № 10. 1926. С. 49.
- ⁴² *Минайченков С.* Работа РАО — на рельсы общественности // Вечерняя Москва. 1930, 13 августа. № 187. С. 3.
- ⁴³ Правда Севера. 1932. № 99. С. 4.
- ⁴⁴ Вечерняя Москва. 1932, 16 сентября. № 215. С. 3.
- ⁴⁵ Там же. С. 1.
- ⁴⁶ Московская правда. 1935. № 62. С. 4.
- ⁴⁷ *Полесский В.* Лекция о взятке // Русский вестник и рассвет (Чикаго). 1926, 19 мая. С. 3.
- ⁴⁸ Клубные развлечения // Русский вестник и рассвет. 1926, 23 октября. С. 1.
- ⁴⁹ Бесхозные гробы // Рассвет (Чикаго). 1927, 26 марта. С. 1.
- ⁵⁰ Рассказ милиционера / Местный // Рассвет. 1932, 21 июня. С. 3.
- ⁵¹ Сад отдыха / Минский мужик // Рассвет. 1934, 10 октября. С. 4.
- ⁵² На Украине / З. Р. // Рассвет. 1933, 19 июля. С. 2.
- ⁵³ Рассвет. 1933, 25 августа. С. 1.
- ⁵⁴ Студенческие беспорядки в Казани // Рассвет. 1927, 30 августа. С. 1.
- ⁵⁵ Русское обозрение (Чикаго). 1930, 13 сентября. С. 1.

Список литературы

- Дела и люди Ленинградской милиции: очерки истории / А. Скилягин, В. Лесов, Ю. Пименов, И. Савченко. Ленинград: Лениздат, 1967. 376 с.
- Еропкин М.И.* Развитие органов милиции в Советском государстве / Высш. школа МООП СССР. Москва: б. и., 1967. 87 с.
- Зайцев П.Ф.* Рабоче-крестьянская милиция. Москва: Власть советов, 1930. 45 с.
- Иванов К.Д.* Кадровый состав правоохранительных органов на Северо-Западе России в 1920-е гг. / К.Д. Иванов, А.В. Седунов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2(26). С. 92-96.
- Киселев И.Ф.* 10 лет Рабоче-Крестьянской милиции // Административный вестник. 1927. № 10–11. С. 29-35.
- Козлобаев Г.А.* Методы формирования образа милиции в государственных и частных СМИ 2000–2009 годов // StudArctic Forum. 2022. Т. 7, № 2. С. 17-24.
- Козлобаев Г.А.* Образ карельской милиции в карельских периодических изданиях в 1960–1990 гг. // StudArctic Forum. 2024. Т. 9, № 2. С. 49-61.
- Люди долга и отваги: в 2 кн. / Под ред. Л.П. Фесенко. Москва: Изд-во ДОСААФ, 1983. Кн. 1. 399 с.
- Патраш Н.В.* Уголовная ответственность за детоубийство: практика судопроизводства 1920-х гг. // Закон и право. 2025. № 9. С. 29-32.
- Ратьковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 279 с.

Скипский Г.А. К вопросу о реформах деятельности органов НКВД РСФСР, проводимых В.Н. Толмачевым 1928–1930 гг. // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 44-49.

Токарева С.Н. К вопросу о противодействии преступности в СССР в 1930-е годы (организация обществ содействия милиции и уголовному розыску в ЦЧО) // История: факты и символы. 2016. № 2(7). С. 132-139.

History

Dmitry V. SHORIKOV

master's degree, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia),
schorikoff.dima@yandex.ru

MILITIA ACTIVITIES IN THE SECOND HALF OF THE 1920S AND EARLY 1930S: A STUDY OF SOVIET AND ÉMIGRÉ PERIODICALS

Scientific adviser:

Ilya S. Ratkovsky

Reviewer:

Ivan V. Savitskii

Paper submitted on: 06/10/2026;

Accepted on: 06/27/2026;

Published online on: 06/27/2026.

Abstract. Drawing on Soviet and émigré periodicals from the second half of the 1920s to the early 1930s, and cross-referencing them with materials from the Central State Archive of St. Petersburg and the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg, this study traces the evolution of the militia image from extensive criticism of official abuses (drunkenness, bribery, personnel shortage) to an ideologized scheme that attributed these problems to a "foreign element". By the early 1930s, critical materials had almost disappeared, giving way to class-based rhetoric. The study shows that the émigré press, unlike the Soviet press, retained critical coverage and served as an important source of verification.

Keywords: Soviet militia, periodicals of the 1920s and 1930s, representation of law enforcement agencies, content analysis of newspaper publications, official deviations, daily routine of law enforcement agencies

For citation: Shorikov, D. V. Militia Activities in the Second Half of the 1920s and Early 1930s: A Study of Soviet and Émigré Periodicals. *StudArctic Forum*. 2026, 11 (2): 66–77.

References

- Skilyagin A., Lesov V., et al. *Cases and people of the Leningrad militia: historical essays*. Leningrad, Lenizdat, 1967, 376 p. (In Russ.)
- Eropkin M.I. *Development of militia bodies in the Soviet state*. Moscow, Higher School of the USSR Ministry for the Preservation of Public Order, 1967, 87 p. (In Russ.)
- Zaitsev P.F. *Workers and Peasants' Militia*. Moscow, Vlast sovetov, 1930, 45 p. (In Russ.)
- Ivanov K.D., Sedunov A.V. Personnel of law enforcement agencies in North-West Russia in the 1920s. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2005, No. 2(26), pp. 92–96. (In Russ.)
- Kiselev I.F. Ten years of the Workers and Peasants' Militia. *Administrativniy vestnik*, 1927, No. 10–11, pp. 29–35. (In Russ.)
- Kozlobaev G.A. Methods of forming the image of the police in public and private media in 2000–2009. *StudArctic Forum*, 2022, Vol. 7, No. 2, pp. 17–24. (In Russ.)
- Kozlobaev G.A. The image of Karelian police in Karelian periodicals of 1960–1990. *StudArctic Forum*, 2024, Vol. 9, No. 2, pp. 49–61. (In Russ.)
- Fesenko L.P., ed. *People of duty and courage*: in 2 books. Moscow, DOSAAF Publishing House, 1983, Book 1, 399 p. (In Russ.)
- Patrash N.V. Criminal liability for infant homicide: court practice in the 1920s. *Law and Legislation*, 2025, No. 9, pp. 29–32. (In Russ.)
- Ratkovsky I.S. *Red terror and the activity of the Cheka in 1918*. St. Petersburg, Saint Petersburg State University, 2006, 279 p. (In Russ.)
- Skipiski G.A. To the question of reforms of activity of bodies of NKVD of RSFSR, carried out by V.N. Tolmachev in 1928–1930. *Bulletin of Economic Security*, 2020, No. 3, pp. 44–49. (In Russ.)
- Tokareva S.N. To the question of combating crime in the USSR in the 1930-ies. *History: Facts and Symbols*, 2016, No. 2(7), pp. 132–139. (In Russ.)